

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.Л. БЕМ И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОЕКТЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

М.: РУССКИЙ ПУТЬ, 2008. 484 с.

Филологи русской эмиграции закономерно становятся объектом все более пристального внимания. Даже не углубляясь в особенности их исследовательской деятельности в зарубежье, можно с уверенностью говорить о сохранении ими за пределами России непрерывной научной традиции, решительно нарушенной Октябрем 1917 г. Рецензируемый сборник, объединивший под своей обложкой материалы Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения А.Л. Бема (2006), стал несомненной и довольно редкой удачей, поскольку в нем удалось преодолеть обычную для подобных изданий жанровую и содержательную неоднородность. Два десятка статей из первой части тома и “архивные публикации и воспоминания” из второй представляют личность Альфреда Людвиговича Бема (1886–1945?) – историка литературы и литературного критика, ученого и человека – если не исчерпывающе, то с достаточной полнотой и разносторонностью.

И статьи о жизни ученого, и статьи, в которых проанализированы его порой новаторские научные подходы и достижения на фоне “гуманитарных проектов зарубежья”, читаются как главы захватывающего романа, равно человеческого и филологического, и одно трудно отделить от другого. Приведем характерный пассаж из самой первой, вступительной работы в сборнике – “Альфред-Алексей Бем (К вопросу о самоидентификации)”. Речь идет о реальной жизненной коллизии в жизни Бема, о поворотном событии в его судьбе – внезапно принятом решении оставить в 1919 г. Киев, покинуть близких и уйти с Добровольческой армией. “Всю последующую жизнь Бем решал вопрос этической оценки этого факта своей биографии <...>, – утверждает автор статьи М. Магидова. – Рефлексия на тему права на жертву ближним ради идеи, тему, как бы цитирующую идейную коллизацию романов Достоевского, становится главной <...>” (с. 11–12). Духом Достоевского проникнуты и записи Бема в его дневниках: “Имел ли я право...” и т.д.; но это не поза, не литературщина, это искренняя и глубокая вера в русскую литературу, вера не в её сюжеты и персонажи, а в справедливость ее мучитель-

ных нравственных исканий, в ее – говоря совсем не условно – нравственные ориентиры.

Фигура и жизненный путь Альфреда Людвиговича Бема уникальны даже на фоне самых непростых биографий: сын немца-сапожника из Киева, студент филологического факультета Петербургского университета и сотрудник Библиотеки Академии наук, профессор Карлова университета в Праге, библиотекарь Фонда Гейдриха – “организации, которая идейно обосновывала и руководила работой по ликвидации славянской культуры” (с. 23), Бем двигался своим путем, отличным от выбранных “русскими немцами” А. Лютером, Ф. Брауном, Ф. Степуном и чрезвычайно важным для его духовного самоопределения, для его научных штудий, для его отношения к языку, к “культуре стиха”, к литературе в целом. “Самоидентификации” русского ученого немецкого происхождения и посвящена статья М. Магидовой, построенная на архивных материалах и малоизвестных публикациях Бема, очень четкая в разъяснении национальных, религиозных и политических составляющих личности ученого, прослеживающая ее “духовные странствия”. Раритетного архивного материала собрано исследовательницей с таким избытком, что до сих пор не публиковавшиеся информативные письма Ф. Степуна, например, просто приведены в примечаниях.

Конечно, предмет исследования нередко хочется приукрасить, особенно предмет и без того достойный. Вот и в финале статьи о духовном формировании и духовных источниках личности Бема исследовательница с виртуозной простотой обходит эпоху оккупации Чехии и закрытия Карлова университета, именуя работу ученого в нацистском учреждении одной из остановок в его “странствиях по культуре” (с. 23). “Псевдонаучности расовой теории немецких ученых протектората Бем противопоставил авторитет подлинной научности”, – заверяет М. Магидова, имея в виду ежегодные праздники в узком кругу в честь Петербургского университета и сокрушаясь о “трагической абсурдности” судьбы ученого. При объективном разговоре о насильственно разъятой, полярно идеологизированной русской культуре XX века требуется непред-

взятый комментарий и к служебному “рвению” Бема, признанного “полноценным немцем” в оккупированной Чехословакии. Без расстановки всех точек над *i* решительно невозможно объяснить открытый финал биографии ученого – бесследное исчезновение после ареста советскими органами.

Политическую позицию А. Бема вполне проясняет публикация Милуши Бубениковой “Альфред Бем – сторонник активизма”. Подписанные псевдонимами, его выступления в русской эмигрантской печати по вопросам современного государственного устройства России, а затем – и “просветительские” статьи в чешской прессе о “современном российском обществе” (с. 264) носили весьма недвусмысленный характер. Принципиально противопоставляя “пассивистам” эмиграции последовательный “активизм”, Бем не менял ни вех, ни взглядов; он неизменно выступал сторонником парламентской демократии и решительно поддерживал “те политические течения, которые видели своей целью свержение власти большевиков” (с. 247). Автор сообщения подробно анализирует особенности политического “активизма” Бема, лейтмотивом которого была “тактика антибольшевистской борьбы” (с. 249). Даже получение чехословацкого гражданства (1937), “несовместимого с активной политической деятельностью” и резкой критикой СССР, не сказалось на характере политической публицистики Бема (с. 263–264). Твердость и самих убеждений, и их отстаивания не могут не вызывать уважения; изумляет лишь прекраснотушность, с каким активный антибольшевик Альфред Бем дожидался прихода Красной Армии.

В заметке В.П. Нечаева “К вопросу о гибели А.Л. Бема” представлены сведения, полученные из разных источников в России и в Чехии, причем именно некоторая исследовательская отстраненность (но не бесстрастность) придает архивным разысканиям желанную достоверность. Нет домыслов, зато есть факты, пусть пока и недостаточно, несмотря на огромную скрупулезную работу по их установлению; чем суше отчет, тем надежнее сообщение, оперирующее осторожным понятием “версия”. Предельно драматичен конец жизни ученого, но между биографическими данными первой статьи и финальной “загадкой смерти Бема”, обрамляющими исследовательские публикации, содержится насыщенный научный разговор о его наследии. Поступки, слагающие судьбу человека, остаются на его личной совести; его труды становятся общим достоянием и, собственно, комментарием к судьбе и оправданием жизни.

У А. Бема в эмиграции было несколько ипостасей, разнообразно представленных в статьях сборника. О его педагогических концепциях сообщил З. Ульбрехт (“Альфред Бем: Педагогическая деятельность и взгляды”), опираясь на целый ряд малоизученных работ Бема по педагогике и показывая, как причудливо и вместе с тем логично русские и немецкие теории и традиции переплетались во взглядах Бема на воспитание и образование. Размышления Бема о творчестве, о творческой деятельности, о становлении творческой личности звучат настолько актуально, что от сегодняшних концепций их отличает только чуть более старомодная терминология.

Неудивительно, что ученый и публицист, для которого столь много значил термин “активность”, был активен и сам – в целом ряде общественных начинаний, в просветительской и архивной деятельности. Л.И. Петрушева (“А.Л. Бем и День русской культуры”) раскрыла роль Бема как одного из организаторов национального праздника “в рассеянии сущих” русских, дата проведения которого была приурочена ко дню рождения Пушкина. Гораздо более известна еще одна сторона деятельности А. Бема – литературного критика и прежде всего руководителя пражского “Скита поэтов”. Называя свое сообщение “Младоземлянская поэзия и традиции русской литературы в концепции А.Л. Бема”, Л.Н. Беловская чрезвычайно широко очертила круг интересов и мыслей Бема, проанализировав, в сущности, одну его важную публикацию – “Русская литература в эмиграции” (1939). Именно этот очерк, как подчеркивает исследовательница, стал первой попыткой осмысления феномена русской литературы, созданной в изгнании, и обоснования нескольких краеугольных для нее понятий, прежде всего – роли литературной традиции и роли русского языка.

Достоевистика и пушкинистика — вот то главное, чему была посвящена деятельность А.Л. Бема. Обращение к трудам и прозрениям историка литературы и “скромного и осторожного” (с. 29) теоретика имеет значение не только для прояснения его индивидуальной научной судьбы. Несколько статей, “закольцованных” вокруг достоевсковедения, принадлежат к особым удачам сборника. Если А.Г. Гачевой (“Работы А.Л. Бема о Достоевском и религиозно-философская достоевистика”) чрезвычайно удался глубокий и убедительный экскурс в историю восприятия и интерпретации Достоевского на протяжении сменяющих друг друга эпох, от религиозных исканий Серебряного века к складыванию “науки”

о писателе, в том числе и в работах А. Бема, то В.А. Викторovich (“Из истории дostoевсковедения. А.Л. Бем”) увлекательно проследил индивидуальный путь Бема к Достоевскому, поиск им собственных подходов и приложение их к поэтике писателя, к анализу текстов. Конкретные примеры действия «метода “мелких наблюдений”» (термин Бема) только подтверждают самые высокие мнения авторов книги о безусловной ценности трудов ученого.

Русская филологическая мысль в эмиграции раскрывается на страницах книги в непрерывном движении и развитии — это не затвердевшая догма, а непрерывный поиск. Дело не в свободе, во всяком случае не в ней одной. Стоит познаться с работой Б.Н. Тихомирова «О практической ценности пражского “Словаря личных имен у Достоевского”», чтобы убедиться в очевидном: культурный фон у дореволюционных выпускников университета, начитанность в художественной литературе и чуткость к слову находились на каком-то ином, по сравнению с современным литературоведением, уровне. Не вдаваясь в подробности, укажем на характер приведенных Тихомировым примеров из Словаря — практически все они связаны с русским XVIII веком, вплетенным в ткань прозы Достоевского в виде реминисценций, аллюзий, скрытых и не прямых цитат. Советские и современные российские издатели и комментаторы Достоевского попросту прошли мимо них, а поскольку Словарь малодоступен, то его “многочисленные открытия, ценные наблюдения” до сих пор остаются неучтенными (с. 97).

Бемовскую “новую и довольно загадочную теорию большого размаха”, как выразился о только сейчас раскрывающихся перспективах “метода мелких наблюдений” С.Г. Бочаров («Феномен “литературного припоминания” в эстетике А.Л. Бема»), характеризует первостепенное внимание к тексту — не как к “вещи в себе”, а как к явлению, открытому во все пространство литературы. Бем “подходил к явлению, широко встречающемуся в литературной истории, но своей теории не имеющему. Это такие странные сближения <...> произведений <...>, которые невозможно или трудно объяснить прямым влиянием текста на текст и сознательной целью писателя” (с. 30–31). То, что бывают странные сближения, знает каждый соприкасающийся с анализом литературного произведения; обнаруживающие себя порой “влияния”, “переклички”, “резонанс”, “телепатия” (Бочаров приводит попытки крупнейших отечественных исследователей найти определение этому явлению) поражают неожиданностью и

даже кажущейся невозможностью¹. Явление литературной памяти и, значит, припоминания становится ключевым в этом подходе к литературе и в ее понимании, отличном от интертекстуального анализа и уводящим в глубины человеческой психологии и культуры человечества, где сплетаются или даже восходят к единому корню сочинения разных авторов, разных стран и эпох. Скромная формула Альфреда Бема, сам метод, родившийся задолго до “интертекстуальности”, завораживает возможностями, тающимися в его применении к знакомым текстам.

Теория генетической памяти литературы кажется вбирающей в себя философию или требующей философского обоснования, объединяющей поиск филологов и философов, о чем материалы сборника свидетельствуют со всей наглядностью. Фигура А.Л. Бема и его многогранная научная деятельность оказались поводом задуматься о том, что в эмиграции литературу не только создавали, но и дискутировали о ней, изучали ее. В ряде публикаций пунктирно обозначены направления филологического полилога в русском зарубежье, и за каждым именем — особый взгляд на русскую литературу.

Если С.Р. Федякин касается полемики в критике (“Николай Бахтин и Альфред Бем о литературе”), рассматривая выступление Н. Бахтина на фоне спора А. Бема с Г. Адамовичем о поэзии (к сожалению, в статье несколько раз продублирован один и тот же текст), то О.Т. Ермишин переходит в область философии, психологии, антропологии, разбирая работы В. Зеньковского и С. Гессена о русских классиках (“О философских методах в литературоведении русской эмиграции”). А опубликованная и обстоятельно откомментированная М. Магидовой во второй части сборника лекция (статья) Н.Е. Осипова, посвященная популяризации идей А.Л. Бема и его работ по достоевистике, прекрасно дополняет представления о научной саморефлексии русской филологии в эмиграции.

Как заявку на масштабную и насущно необходимую работу хочется рассматривать публикацию М.А. Васильевой, ознаменованную стремлением уложить в несколько страниц едва ли не всю теорию и практику оказавшегося в зарубежье русского литературоведения («А.Л. Бем, П.М. Би-

¹ Так, В.А. Викторovich, с горячим сочувствием относясь к истолкованию А. Бемом текстов писателя (“ключ к Достоевскому”), к “смелым и даже дерзким догадкам”, не все “параллели” принимает, а некоторые прямо относит к “неудачным” (с. 65).

цилли, Д.И. Чижевский: Метод “мелких наблюдений”»)). Работа по собиранию научного наследия эмиграции тем более необходима, что статья А.Н. Паршина (“Зеркало и двойник у Гоголя и Достоевского. Несколько замечаний к работам А.Л. Бема и Д.И. Чижевского”) раскрывает такие еще неизученные глубины, казалось бы, давно поставленного вопроса, что оценить всю полноту и оригинальность русской филологической мысли в зарубежье, оплодотворенной философским познанием, нам, вероятно, предстоит лишь после более или менее полного издания трудов перечисленных ученых эмиграции.

В этом месте возникает некоторая заминка, связанная с уже упомянутой самоидентификацией Альфреда Бема. В действительности и круг “русских” ученых за границей был шире, чем порой представляется, и их деятельность выходила за пределы собственно русской (и языковой, и художественно-эстетической) сферы, растворяясь в общеевропейском культурном пространстве. О том, какую подпитку научной и критической мысли А.Л. Бема давала межвоенная Чехословакия, речь идет на страницах почти каждой работы. А вот о таком феномене, как “русско-немецкое зарубежье”, напомнил в своей статье “Историко-литературные исследования Альфреда Бема в переписке с Артуром Лютером” Ф.Б. Поляков. А. Лютер, учившийся и преподававший в Петербурге, оставил германистику ради славистики и стал одним из наиболее выдающихся переводчиков русской классики и писателей эмиграции (Булнина, Шмелева). Речь в статье идет об ознакомлении немецкого мира с идеями и достижениями русской гуманитарной мысли, о рецепции русской литературы в немецкой культуре и о необычайно сложных *membra disiecta* общей культуры в беспримерных исторических условиях, о неразделимости высокого служения русской литературе и совсем иной службы: “Весьма возможно, – говорится в цитируемой переписке о третьем лице в 1943 г., – что его как хорошего знатока России сейчас используют для военных или административных целей и он сидит где-нибудь в Киеве или Пскове или Симферополе” (с. 167).

Судьбы русских и немцев в XX столетии разительно похожи, и лучше, чем в образных категориях Гоголя и Достоевского, столь привлекательных для литературоведов эмиграции, их не описать. Две послевоенных Германии напоминают русский послереволюционный феномен, и если Томаш Гланц, разбирая истолкование Бемом эмигрантской литературы, не говорит прямо о “двойничестве”, то оно все-таки читается между

строк (“Альфред Людвигович Бем: магический реализм и эмигрантская литература”). Это неудивительно, если вспомнить, что к постижению феноменологии эмигрантской литературы обратился специалист по Достоевскому; для него “две России, два конкурирующих контекста <...> являются некоторой шизофренической фигурой, раздвоением единого, и должны таким образом быть однажды в будущем излечены, т.е. воссоединены” (с. 231). Впрочем, сам Т. Гланц уверен, что представления А. Бема об эмигрантской литературе были скорее гипотетичны, нежели отражали ее подлинное движение и своеобразие.

Историко- и теоретико-литературные категории – память, традиция, биография – перестают казаться и даже быть выхолощенными понятиями, когда за ними стоит жизнь и душа человека, каким бы изощренным филологическим штудиям он ни предавался. В полной мере осознать, как оживает метафора, а жизнь и смерть переходят в разряд эстетических категорий, чтобы вдруг осветить исторические катастрофы и личные трагедии, позволяет богатое материалом эссе Милуши Задражиловой «Размышления А.Л. Бема о смерти поэта в контексте дискурса “умирание искусства”». Некрологи, научные статьи, критические эссе и лирические стихи Бема вписывают роковые судьбы русских поэтов и писателей в наступивший кризис гуманизма, “умирание” всей европейской христианской цивилизации, в которой Россия была лишь частью. Но за реальными фактами, за символикой ухода – реального и литературного – остается еще что-то, неопределимое в категориях рационального. Для А. Бема проблема “убегания тлена” решается прежде всего в религиозном плане, и для тех, кто наследует ему в филологии и вдохновляется его идеями, эпитафией и одновременно эпиграфом этой чрезвычайно насыщенной, непростой жизни могут стать поэтические строки самого ученого: “Они услышат, глаз поднять не смея, / Твоей души таинственный полет” (с. 223).

В совершенно ином стиле, в иной тональности подан материал в работах, касающихся вопросов собирания и библиографического описания наследия А.Л. Бема (публикации А.Н. Горяинова и О.Н. Ильиной). Поскольку на повестку дня вынесено составление библиографии работ о самом А.Л. Беме, очевидно, что в дальней перспективе цель “бемоведов” – издание собрания сочинений ученого, критика, поэта. Заметим, что еще за двадцать лет до выхода рецензируемой книги выдающийся русский филолог А.В. Михайлов, выступив с инициативой переиздания “русского наследия в области литературной науки” – клас-

сических трудов, имеющих значение “памятников русской словесности” и отличающихся “широтой взглядов, подходов к литературе”, – включил имя Бема в список авторов предполагаемой серии [1]. За последние полтора десятка лет, часть критического и историко-литературного наследия А.Л. Бема увидела свет – сначала в Чехии, а затем и в России (см. [2; 3]). Правда, попытки напечатать труды Альфреда Бема на родине предпринимались еще до 1991 г., когда наследие писателей и ученых русского зарубежья стало активно переиздаваться. Инициатива исходила от заведующего редакцией художественной литературы издательства “Правда” Ю.О. Бема – племянника Альфреда Бема, сына его брата Отто, оставшегося в России и расстрелянного в 1937 году. О судьбах братьев “на двух полюсах жизни” (так и названа работа) Ю.О. Бем рассказал со всем трепетом личного переживания. Напротив, этюд американского слависта Сергея Давыдова “Бем – пушкинист” (ср. сокращенный вариант в [4]) академически сух и снабжен избранной библиографией работ А. Бема, “кропотливо выкраива[вшего] в сознании европейского читателя для Пушкина место среди величайших достижений мировой литературы” (с. 50). Строгая научность призвана отсеять всякий субъективизм, ведь автор – родной внук Альфреда Бема. Так память и традиция вновь оказались не просто научными понятиями, а фактами биографии рода, дополняющими захватывающе интересные воспоминания дочери ученого Т. Рейзер и самого С. Давыдова, опубликованные в иных изданиях [5–8]. Небольшая подборка из архивных материалов (в частности, следственного дела О.Л. Бема) и мемуарных записей “русского пражанина” Н.Г. Михайловского и внуки А.Л. Бема М. Доскочиловой-Голиковой (в переводе с чешского языка) из второй части сборника служат удачным дополнением к биографической стороне рецензируемого тома.

На фоне столь явной удачи и столь согласованной и плодотворной работы исследователей, прежде всего российских и чешских, без патетических деклараций собирающих разрозненные ветви русского филологического знания и философского познания, досадно видеть огрехи там, где речь идет именно о памяти и традиции².

Составитель подборки “А.Л. Бем в письмах и документах” Л. Ливак напрасно расширил примечания за счет информации о лицах и реалиях,

² Опечаток в томе тоже, увы, хватает, в том числе в иностранных словах и в именах собственных.

давно вошедшей в энциклопедии³; но еще печальнее, что канадский исследователь не потрудился соблюсти точность в передаче общеизвестных имен. Так, загадочные и не сразу распознаваемые инициалы *О.М.* Веселовский, *О.И.* Соболевский (с. 389) обозначают прославленных Александра Николаевича и Алексея Ивановича. Впрочем, трудно объяснимая “украинизация” русских имен собственных, как и ошибочное написание фамилии выдающегося голландского слависта Н. ван Вейка (или Ван-Вейк, но не “Ванвийк”; с. 348), – конечно, лишь досадные мелочи. Но вот последний пункт в примечаниях гласит: “Личность не установлена” (с. 399). В письме военного времени А.М. Ремизов интересуется у Бема: “Жив ли Лютер Ар. О <.>?” (после бомбардировки Лейпцига; с. 386). Уточним расшифровку рукописного текста – последняя буква явно не “О”, а фита: именно через нее писалось по старой орфографии имя Федор, и речь, стало быть, идет о немецком слависте русского происхождения Артуре Федоровиче Лютере. Между тем в вышеупомянутой статье Ф.Б. Полякова не только приведены сведения об А.Ф. Лютере, но и дана библиографическая отсылка к другой публикации автора статьи, в которой использованы напечатанные Л. Ливаком письма Ремизова. Разумеется, “обнародованные”, по выражению Ливака, материалы не теряют своей исключительной содержательной ценности от несколько неряшливой подачи.

“Размышляя о культурно-историческом значении научного наследия Бема, как и его личности в целом, – утверждает Л. Белошевская, – приходишь к мысли о глубокой взаимосвязанности и взаимообусловленности его трудов в разных областях литературоведения и литературной критики. Исходя из этого, более чем оправданной в данном случае представляется нам необходимая мера комплексности анализа всего наследия <...>” (с. 181). Собственно, “сборник материалов” и стал реализацией такого комплексного изучения, позволяющего если и не охватить пока наследие Альфреда Бема в целом, то по крайней мере представить “весь масштаб научной мысли ученого” (с. 181) – мысли, плоды которой (что подтверждают представленные “материалы и исследования”) в настоящее время востребованы отечественной наукой в полной мере.

Т.В. Марченко

³ И уж тем более неуместно в книге, где специалисты по Достоевскому напоминают о роли дневника А.П. Сусловой в научной судьбе А. Бема и в складывании достоевистики (с. 54, 56), выглядит такое лапидарное пояснение: “любовница Ф.М. Достоевского в 1862–1863 гг.” (с. 390).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михайлов А.В. Методы и стили литературы / Ред.-сост., автор послесл. и коммент. Л.И. Сазонова. М., 2008. С. 142–143.
2. Бем А.Л. Письма о литературе / Сост. и авторы предисл. Л. Белошевская и Л. Вахаловска. Praha, 1996.
3. Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе / Сост. С.Г. Бочаров; предисл. и коммент. С.Г. Бочарова и И.З. Сурат. М., 2001.
4. Давыдов С. Бем–пушкинист // Новый журнал. 2008. Кн. 251.
5. Рейзер (Бем) Т. Украденное счастье // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945. Praha, 1994. Sb. 2.
6. Рейзер (Бем) Т. В водовороте...; Русская Прага // Записки Русской академической группы в США. New York, 2001–2002. Т. 31.
7. Бем-Рейзер Т. Украденное счастье. Воспоминания / Публ. С. Давыдова // Новый журнал. 2008. Кн. 251, 252.
8. Давыдов С. Пражские весны... или очки для Хрущева // Новый журнал. 2008. Кн. 252.